

Сальвадор Дали

Перевод Натальи Малиновской

Сальвадор Дали (Salvador Dalí) родился 11 мая 1904 года в городке Фигерас в Каталонии в семье адвоката. В 6 лет он пошел в начальную школу «Непорочного зачатия» Христианских братьев, а в 17 лет поступил в Мадридскую академию изящных искусств Сан Фернандо, где судьба свела его с Г. Лоркой, Л. Бунуэлем, Р. Альберти. Участвуя в академии, Дали увлеченно изучает произведения старых мастеров — Веласкеса, Сурбарана, Эль Греко, Гойи. Он испытывает влияние кубистических полотен Х. Гриса, метафизической живописи итальянцев, серьезно интересуется наследием И. Босха. В 1925 году происходит его первая профессиональная выставка в галерее Dalmau в Барселоне. Во время первой поездки в Париж в 1926 году он встречается с Пикассо. Под впечатлением встречи, изменившей направление его поисков собственного художественного языка, Дали создает свое первое сюрреалистическое произведение «Великолепие руки». В 1929 году он совершает второе путешествие во Францию. Там он входит в круг парижских сюрреалистов. В это же время совместно с Бунуэлем Дали делает два фильма — «Андалузский пес» и «Золотой век». В октябре 1929 года он женится на Гале — русской по происхождению артистке Елене Дмитриевне Дьяконовой. По приезде в США в 1940 году Дали создает декорации к ряду балетов и спектаклей и несколько серий иллюстраций. Кроме автобиографии он написал книги «Незримая женщина» (1930), «Завоевание иррационального» (1935), «Скрытые лица» (1944), «Пятьдесят секретов волшебного ремесла» (1948) и «Дали о современном искусстве» (1956). В 1982 году король Испании Хуан Карлос пожаловал Дали титул маркиза де Пуболь. Дали умер в Фигерасе 23 января 1989 года и похоронен в ротонде своего театра-музея.

АФОРИЗМЫ

Еще в раннем детстве я приобрел порочную привычку считать себя не таким, как все, и вести себя иначе, чем прочие смертные. Как оказалось, это золотая жила!

Сальвадор Дали в три с половиной года хотел стать кухаркой. Заметьте: не поваром, а кухаркой. В семь лет он возжелал стать Наполеоном, и претензии его с тех пор начали неуклонно возрастать.

Я высокомерен и многообразно порожен. Я — пособник анархии. Если уж я беру — то всегда перебираю. Все у меня переменчиво, и все неизменно.

Когда все гении перемрут, я останусь в гордом одиночестве.

Помню, как отец рассказывал нечто для меня поучительное. Однажды Робеспьер, увидев толпу, которая неслась куда-то, осененная знаменем, сорвался с места.

— Я поведу их!
— А куда они идут? — осведомился Робеспьеровы друзья.
— Э, да какая разница!

Моя орфография повергала отца в транс. Как-то я сделал четыре ошибки в слове «революция». И отец произнес знаменательную фразу: «Ничего не подделашь. Он умрет под забором». От огорчения отец заболел.

Отец выгнал меня из дому. Тогда-то я и ощутил у себя на голове яблоко. История Вильгельма Телля повторяется.

Узнав о том, что Сервантес, прославивший Испанию «Дон Кихотом», умер нищим и вдобавок в тюрьме, равно как и Колумб, открывший Новый Свет, я твердо решил: во-первых, отсидеть в тюрьме как можно раньше (что и было сделано) и, во-вторых, разбогатеть сверх всякой меры (что также было исполнено).

Я понятия не имею, беден я или богат. Всем распоряжается жена. А для меня деньги — мистика.

Если бы я не встретил Галу, я кончил бы свой век в конуре, в отрешках, изъеденный вшами... Юродивый? Провиден?

По мне, богатеть не унижительно, унижительно — умереть под забором.

Простейший способ освободиться от власти золота — это иметь его в избытке.

Социализм как нельзя лучше подходит для тех африканских стран, где нет различия между моим и твоим, где не имеют понятия о собственности. Да что там говорить, если у них нет даже нотариусов!

Я — испанец, монархист и анархист. Я — убежденный противник общества потребления.

ИЗВЕСТИЯ
№ 126

30

Пятница
22 Июля 2005

ЧТЕНИЕ

culture@izvestia.ru

Впервые на русском языке «Известия» публикуют афоризмы одного из самых парадоксальных художников XX века Сальвадора Дали — «О себе и обо всем прочем». Короткие высказывания, реплики, касающиеся сиюминутных состояний (вроде восхищения Гретой Гарбо или недовольства американской кухней) и вечных тем любви и смерти, выстраиваются в альтернативную автобиографию испанского живописца. Афоризмы вошли в книгу мемуарной прозы Сальвадора Дали «Сюрреализм — это я», которая выйдет в издательстве «Вагриус» на следующей неделе.

Сюрреализм — это я

И потому выражаю ему презрение самым действенным способом: выпрыскаю как можно больше денег, дабы распорядиться ими по своему усмотрению. Первый из великих художников, я стал работать на потребу публики. Но пример мне показал Эйнштейн. Когда его пригласили на какое-то торжество, гений спросил: «А сколько мне заплатят за то, что пойду?» Вот образец безукоризненной логики.

Сейчас уже ясно, что в России буржуазия цветет махровым цветом — куда там остальной Европе!

Коммунизм неуклонно деградирует. Судите сами: Маркс был необыкновенно волосат, Ленин носил бороду и усы (хотя не столь пышные), Сталин — только усы, а у Хрущева и того не было.

Помилуйте, какое мне дело до пролетариата? Среди моих знакомых нет человека по фамилии Пролетарият.

Бежать вперед Истории гораздо интереснее, чем описывать ее.

Раз я не курю, почему бы не отратить усы? И для здоровья полезнее. Однако портсигар

«Я дышу в такт морю и деревьям и обретаю равновесие, необходимое для живописи»

гар всегда при мне, и держу я в нем... усы, целую кучу усиков, таких, как у Адольфа Менжу. И любезно предлагаю всем подряд: «Не угодно ли усик?» Никто не отваживается взять! Это моя любимая забава с тех самых пор, как я открыл сакральный смысл моих усов. Они — источник моего вдохновения. Кончиком уса, как кисточкой, я могу нарисовать муху со всеми лапками и волосками. А рисуя, буду размышлять о философском значении моих усов — ведь к ним уныло и неотвратимо липнут не только мухи, но и всякие другие приметы эпохи.

Когда кончится время «измов», наступит эра личностей. Твое время, Сальвадор.

За абстрактным искусством нужен глаз да глаз. Ибо чем абстрактнее оно будет, тем абстрактнее будет ему цена.

Сначала научись рисовать. Потом можешь становиться кубистом.

Улыбаясь, женщине не следует скалить зубы. Улыбка должна таить в себе загадку — как у Джоконды. А заодно скрывать недостатки.

Относительно рук. О, величайшее умение всплескивать руками! Без рук-крыльев нет женщины.

Наблюдая, как кошка вылизывает себе зад, я понял, что такое тщательность и терпение. И еще сильнее (если это только возможно) полюбил женщин.

Я подолгу бываю только в Порт-Льигате. Мне это абсолютно необходимо. С этой землей я накрепко связан пуповиной. Только здесь я ощущаю согласие с ритмом Вселенной. Я дышу в такт морю и деревьям и обретаю равновесие, необходимое для живописи. Здесь я становлюсь центром мироздания.

Коко Шанель говорила мне: «Человек-легенда обречен растерять себя в мифе — и тем осязательнее и укрепить миф». Сама она так и поступила. Выдумала себе все — семью, биографию, дату рождения и даже имя.

У меня есть плотский идеал: Грета Гарбо. Нордический тип. Крошечная юбочка... А теперь стали носить длинные, до пят, — во вкусе этих, прерафаэлитов!

Франция сочла меня элегантнейшим из мужчин. Меня предпосла Пьеру Карлену! Меня, способного явиться на прием без галстука и с оторванной пуговицей. Как-то я одолжил галстук у официанта и весь вечер простоял, скрепя руки на груди, где не хватало двух

пуговиц на жилете. Таков элегантнейший из людей — Сальвадор Дали в галстук с лакейской шей...

Кто из классиков внушает вам восхищение? — Рафаэль и Веласкес. Из современников? — Пикассо и я.

Дайте определение сюрреализму. — Сюрреализм — это я. Ваш любимый цвет? — Зеленый, полынного оттенка.

Ваше любимое занятие? — Подниматься — а не спускаться! — на лифте.

Я — плоть от плоти каталонской земли. И вот тому доказательство: стоит мне провести хотя бы месяц в Порт-Льигате, и я становлюсь крепче духом и телом, становлюсь крепко, как те скалы, и готов противостоять бурям. Там, в одиночестве, я живу в согласии с ритмом мироздания. Я ловлю рыбу в новолуние и знаю, что яблоки тем временем наливаются соком; я думаю о гениальных озарениях Парацельса и не включаю радио, грежу с открытыми глазами и не включаю телевизора, я возношу к вершинам. Я занят простыми и привычными вещами — садом, лодкой, своим холстом — и поглощен тем, что делаю. А когда смеркнется, мы с Галой, поев сардин, идем на берег, где

в готике скал уже реют ночные кошмары.

Я лажу со всеми, покамест мне не дадут пинка в зад. Бретон выкинул меня из сюрреализма — с тех пор мы с ним, естественно, не ладим.

До того я еще мог задаваться вопросом: что такое сюрреализм? Теперь я точно знаю: это сборище трюкачей, понятия не имеющих о воображении, выдающих свои благоглупости за откровения, грохот — за музыку и выпендрежи Бретона — за священные неистовства. Короче, это рухлядь, годная исключительно на то, чтобы приводить в экстаз буржуа. Ни маркиз де Сад, ни Эдгар По, ни Боллер, ни Ницше — истинные сюрреалисты — не имеют никакого касательства к тому, что ныне именуют сюрреализмом. На них теперешние образцы этого «революционного» искусства не произвели бы ни малейшего впечатления.

Луи Арагон — какая карьера и ради какого ничтожного итога!

Мои параноидально-критические способности беспредельны. Я могу создавать множественный образ — в иных моих полотнах каждый видит иное. Воображение представляет каждому его собственный параноидальный лик мира. Паранойя систематизирует реальность и выправляет ее, обнаруживая магистральную линию, сотворяя истину в последней инстанции. Мои растекшиеся часы — это не только фантастический образ мира; в этих текучих сырах заключена высшая формула пространства-времени. Этот образ родился вдруг, и, полагаю, именно тогда вырвался у Иррационального одну из его главных тайн, один из его архетипов, ибо мои мягкие часы точнее всякого уравнивания определяют жизнь: пространство-время сгущается, чтобы, застыв, растечься камамбером, обреченным протухнуть и взрастить шампиньоны духовных порывов — искорки, запущающие мотор мироздания.

Свою книгу «50 секретов магического искусства» я начал так: «Ван Гог отрезал себе ухо. Прочти эту книгу, прежде чем сделать то же самое».

Истинно то, что испробовано на зуб.

Еда — пробный камень для любой философии.

Иисус Христос любил сыр и ел много сыра.

Американская кухня чудовищна, и, заметьте, в стране, где национальная кухня ужасна, нет живописи. Ведь поварское искусство схоже с ремеслом художника. Чтобы приготовить великолепное блюдо, нужно немножко того, немножко этого, нужно поправить, добавить, подправить — так и достигается искомый

вкус. Очень похоже на то, что делает художник. Но в США в поварском деле нет эстетического смысла. Там просто валят в кастрюлю необходимые компоненты.

ЮНЕСКО следует разработать программу сохранения кретинов — это вымирающий вид.

Слово «кретин» для меня не уничижительное. Я употребляю его в наилучшем смысле — ведь стоит человеку влюбиться, как он уподобляется кретину, даже слюни пускает. Примером тому Данте и некоторые другие гении, которые так обделены от вечной женственности, что насоздавали целую кучу бесмертных шедевров.

Музей — вот питатель кретинизации. Посетители мечутся, картины висят, таблички перепутаны, искусствоведы что-то там исследуют, психоаналитики выясняют, когда я был на грани помешательства, а когда за гранью... Обворожительное зрелище!

Я видел фильм, поставленный моим другом Луисом Бунуэлем, — «Млечный путь». Сколько бы он ни богохульствовал, я-то знаю и всегда знал: Бунуэль обязательно одумается и, того гляди, примет сан или схиму.

Бунуэль знает меня не хочет. А я видел его «Тристану», и мне понравилось, особенно шок-лад. Однако мне говорили, что Бунуэль изредка как треснет кулаком по столу: «Все-таки этот свинтус Дали — гений!»

Дали повторяется? И море повторяется, и закат, и рассвет...

Как личность, я куда крупнее своего таланта.

Я никогда не был пацифистом. Я не выношу детей, животных, всеобщее голодание, современное искусство, Эль Греко, теософию. А если кто-нибудь, хоть раскрасавиша, поинтересуется моим Зодиак-ом или гороскопом, я пререщаю знакомство. Теперь вы понимаете, с каким сквалягой имеете дело? И понятия не имею, сколько незауряден мой ум?

Не зря так падох нынче зритель на любовные истории. Это зловещий симптом. Предрекаю: в самом скором времени эрос умрет естественной смертью.

На днях я услышал такой диалог:

— Вы гомосексуалист?
— В некотором смысле — да. Что касается умственного уровня, я предпочитаю иметь дело с мужчинами.

Глупый взгляд, столь естественный и, возможно, единственно возможный на красивом лице, — вспомните хотя бы Венеру Милосскую! — не придал элегантной женщине.